

Сумароков Александр Петрович

Димитрий Самозванец

Трагедия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Петрович С.**
Димитрий Самозванец: Трагедия / Сумароков Александр Петрович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 71 с.

ISBN 978-5-519-75820-8

ISBN 978-5-519-75820-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Слово Публика, какъ нигдѣ и Г. Вольтеръ изъясняется, не знаменуетъ цѣлаго общества; но часть малую онаго: то есть людей знающихъ и вкусъ имущихъ. Естли бы я писалъ о вкусъ Диссертацію; я бы сказалъ то, что такое вкусъ, и изъяснилъ бы оное; но здѣсь дѣло не о томъ. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, невѣждъ не мало, какъ и вездѣ; ибо вселенная по большей части ими наполнена. Слово Чернь принадлежитъ низкому народу: а не слово: подлой народъ; ибо подлой народъ суть капоржники и прочія презрѣнныя пшвари, а не ремесленники и земледѣльцы. У насъ сіе имя всѣмъ шѣмъ дается, которые не дворяня. Дворянинъ! великая важность! Разумный священникъ и проповѣдникъ Величества Божіаго, или кратко Богословъ, Естествословъ, Астрономъ, Риторъ, Живописецъ, Скульпторъ, Архитекторъ и проч: по сему глупому положенію члены черни. О несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія! и поруганія! Истинная чернь суть невѣжды, хотѣ бы они и великіе чины имѣли, богапство Крезово, и влекли бы свой родъ отъ Зевса и Юноны, которыхъ никогда не бывало, отъ сына Филиппова побѣдителя, или паче разорившаго вселенныя, отъ Іюлія Цесаря, утвердившаго славу Римскую, или паче разрушившаго оную. Слово Публика и тамо, гдѣ гораздо много ученыхъ людей, не значить ничего. Людовикъ XIV далъ Парнасу златой вѣкъ въ своемъ

опечествѣ; но по смерти ево вкусъ мало по-
малу спалъ исчезать. Не исчезъ еще; ибо ви-
димъ мы онаго ошашки въ Г. Вольтерѣ и во
другихъ Французскихъ писателяхъ. Трагедіи и
Комедіи во Франціи пишутъ; но не видно еще
ни Вольтера, ни Молиера. Ввелся новой и пако-
стный родъ слезныхъ комедій: введенъ шамъ: но
шамъ не испоргнился сѣмена вкуса Расинова и
Молиерова: а у насъ по Театру почти еще и на-
чала нѣтъ; шакъ шакой скаредной вкусъ, а осо-
бливо въку Великія ЕКАТЕРИНЫ не принадлежишь.
А дабы не впустишь онаго, писалъ я о шаковыхъ
Драмахъ къ Г. Вольтеру: но они въ сіе крапкое
время вползли уже въ Москву, не смѣя появишь-
ся въ Петербургѣ: нашли всенародную похвалу
и рукоплесканіе, какъ скаредно ни переведена
Евгенія, и какъ нагло Актриса подъ именемъ Ев-
геніи Бакханшу ни изображала: а сіе рукопле-
сканіе Переводчикъ оныя Драмы, какой-то подъя-
чій, до небесъ возносишь, соплетая зрителямъ
похвалу и ушверждая вкусъ ихъ. Подъячій спалъ
судією Парнаса, и ушвердителемъ вкуса Москов-
ской публики!... конечно скоро преставленіе
свѣна будетъ. Но не уже ли Москва болѣе по-
вѣришь подъячему, нежели Г. Вольтеру и мнѣ: и не-
уже ли вкусъ жителей Московскихъ сходняе со вку-
сомъ сего подъячева! Подъячему соплеташъ похвалы
вкуса Княжичей и Господничей Московскихъ, толь
маловмѣстно, коль не пристойно лакею, копя и
придворному, мои пѣсни, безъ моей воли, пор-

VII

пишъ, печаташъ и продавашъ, или прошивъ во-
ли еще пребывающаго въ жизни автора порпишъ
его Дамы, и за порчу собирашъ себѣ деньги,
или съѣзжавшимся видѣшъ Семиру, сидѣшъ во-
злѣ самаго оркестра и грышъ орѣхи, и думаши,
что когда за входъ заплачены деньги въ позори-
ще, можно въ Партерѣ въ кулачки биться, а въ
Ложкахъ рассказывать исторіи своей недѣли гро-
могласно, и грышъ орѣхи; можно и дома грышъ
орѣхи; а публиковать газеты весьма маловажныя,
можно и внѣ Театра; ибо таковыя газетчики къ
тому довольно времени имѣютъ. Многіе въ Мос-
квѣ зрители и зрительницы, не для того на
позорище ѣздить, дабы имъ слышанъ не нужныя
имъ газеты: а грызение орѣховъ не приноситъ
удовольствія, ни зрителямъ разумнымъ, ни ак-
терамъ, ни прудившемуся во удовольствіе Пу-
блики автору: его служба награжденія, а не на-
казанія достойна. Вы путешествователи, бывшіе
въ Парижѣ и въ Лондонѣ скажите! грызутъ ли
тамъ во время представленія Дамы орѣхи; и
когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, съ-
купъ ли поссорившихся между собою пьяныхъ
кучеровъ, къ превогъ всего партера, ложъ и ше-
атра? Но какъ то ни есть: я жалѣю, что я не
имѣю копии съ посланнаго къ Г. Волперу письма,
бывъ тогда въ крайней расстройкѣ, крайне бо-
лень, когда Князь Козловской опѣѣзжавшій къ Г.
Вольперу, по письмо ко мнѣ даѣхаль: я отдаѣлъ
мой подлинникъ, ниже его на бѣло переписавъ;

одно отвѣтное письмо сего отличнаго автора и слѣдственно отличнаго и знагока, нѣсколько моихъ вопросовъ заключаетъ: а особливо, что до скаредной слезной комедіи касается. А ежели ни Г. Вольтеру, ни мнѣ ни кто въ этомъ повѣришь не хочетъ; такъ я похваляю и такой вкусъ, когда щи съ сахаромъ кушать будушь, чай пиши съ солью, кофе съ чеснокомъ: и съ молебномъ совокупяшь панафиду. Между Таліи и Мельпомены различіе таково, каково между дня и ночи, между жара и спужи, и какая между разумными зрительями Драмы и между безумными. Не по количеству голосовъ, но по качеству ушверждается достоинство вещи: а качество имѣетъ основаніе на истиннѣ.

Достойной похвалы невѣжи не умялять :
А то не похвала, когда невѣжи хвалять.

ТОЧНЫЙ МНѢ Г. ВОЛТЕРА ОТВѢТЪ

Au Chateau de Fernëy 26 Fevrier 1769.

MONSIEUR,

Votre lettre et vos ouvrages sont une grande preuve que le génie et le gout sont de tout pays. Ceux qui ont dit que la Poésie et la Musique étaient bornées aux climats tempérés, se sont bien trompés. Si le climat avait tant de puissance, la Grece porterait

IX

encor des Platon et des Anacréon, comme elle porte les mêmes fruits et les mêmes fleurs; l'Italie aurait de Horace, des Virgile, des Arioste en des Tasse; mais il n'y a plus à Rome que des procession et dans la Grece que des coups de bâtons. Il faut donc absolument des Souverains qui aiment les arts, qui s'y connaissent et qui les encouragent; ils changent le climat, ils font naître les roses au milieu des neiges.

C'est ce que fait votre incomparable. Je croirais que les lettres dont Elle m'honore me viennent de Versailles, et que la vôtre est d'un de mes confreres de l'Academie française. Monsieur le prince de Koslowski qui m'a rendu les lettres et la vôtre, s'exprime comme vous, et c'est ce que j'ai admiré dans tout les seigneurs Russes qui me sont venus voir dans ma retraite. Vous avez sur moi un prodigieux avantage, je ne fais pas un mot de votre langue et vous possédez parfaitement la mienne. Je vais répondre à toutes vos questions dans lesquelles on voit assez votre sentiment sous l'apparence du doute. Je me vante à vous, Monsieur, d'être de votre opinion en tout.

Oui, Monsieur, je regarde Racine comme le meilleur de nos poètes tragiques sans contredit, comme celui qui le seul a parlé au coeur et à la raison, qui seul a été véritablement sublime sans aucune enflure, et qui a mis dans la diction un charme inconnu jusqu'à lui. Il est le seul encor qui ait traité l'amour tragiquement: car avant lui Corneille n'avoit fait bien

parler cette passion que dans le Cid, et le Cid n'est pas de lui. L'amour est ridicule ou insipide dans presque toutes ses autres pieces.

Je pense encor comme vous sur Quinault. C'est un grand homme en son genre. Il n'aurait par fait A'ltr poétique; mais Boileau n'aurait pas fait Armide.

Je souscris entièrement à tout ce que vous dites de Moliere et de la Comédie larmoyante: qui, à la honte de la nation, a succédé au seul vrai genre comique, porté à sa perfection par l'inimitable Moliere.

Depuis Renard qui était né avec un génie véritablement comique et qui a seul approché Moliere de près, nous n'avoos eu que des especes de monstres. Des auteurs qui étaient incapables de faire seulement une bonne plaisanterie, ont voulu faire des tragedies; ils n'avaient pas assez de gaieté pour écrire des comédies; ils ne savaient pas seulement faire parler un valet. Ils ont mis des aventures tragiques sous des noms bourgeois. On dit qu'il y a quelque intérêt dans ces pieces et qu'elles attachent assez quand elles sont bien jouées; cela peut être; je n'ai jamais pu les lire; mais on prétend que les Comédiens font quelque illusion. Ces pieces bâtardees ne sont ni tragédies ni comédies; quand on n'a point de chevaux on est trop heureux de se faire trainer par des mulets.

Il y a vingt ans que je n'ai vu Paris. On m'a mandé qu'on n'y jouait plus les pieces de Moliere. La raison, à mon avis, c'est que tout le monde les sait par coeur; presque tous les traits en sont de-

XI

venus proverbes; d'ailleurs, il y a des longueurs, les intrigues quelque fois sont faibles, et les dénouemens sont rarement ingénieux. Il ne voulait que peindre la nature, et il en a été sans doute le plus grand Peintre.

Voilà, Monsieur, ma profession de foi que vous me demandez. Je suis fâché que vous me ressembliez par votre mauvaise santé. Heureusement vous êtes plus jeune et vous ferez plus long temps honneur à votre nation. Pour moi je suis déjà mort pour la mienne. J'ai l'honneur d'être avec l'estime infinie je vous dois,

MONSIEUR

Votre très humble et
très obéissant serviteur

Voltaire.

Разсмотрѣніе содержанія Евгеніи.

Содержаніе сей слезной комедіи есть слѣдующее. Молодой, худовоспитанной, и нечисто-сердечной графъ внѣ Лондона распалился красотою дочери нѣкоего небогатаго дворянина, и велѣлъ своему слугѣ себя съ нею обвѣнчать: Она обрюхатѣла, а онъ возвратился въ Лондонъ и помолвивъ женился на какой-то знаменитой дѣвицѣ, собирается ко дню сочешанія. Первая ево супруга приѣхала въ ево домъ: свѣдала,

чно сожилель ея съ другою бракомъ сочетавается: бѣгаетъ растрепавъ волосы: она плачетъ ошець сердился: въ домѣ иной плачетъ, иной хохочетъ; на конецъ сожилель ея сей повѣса и обманщикъ достойный висѣлицы за поруганіе Религіи и дворянской дочери, которую онъ плутовски обманулъ, обманывается другую невѣстну, знатную дѣвицу: входитъ изъ бездѣльства въ бездѣльство: отказываетъ невѣстѣ, и вдругъ перемѣнивъ свою систему, опять женился впо-рично на первой своей женѣ; но кто за такова гнуснаго чековѣка поручится, что онъ на завпрѣ еще на комъ нибудь не женился, ежели правительство и духовенство ево не истребятъ. Сей мерской повѣса не слабости и заблужденію подверженъ, но безсовѣстности и злодѣянію.

А. С.

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ

ТРАГЕДІЯ

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Димитрій и Парменъ.

Парменъ.

Разрушь монархова наперстника незнанье!
Дней придицаю лишь швое внимаю я спѣнанье
И зрю что мучишься на пронѣ завсегда;
Какая предстоишь Димитрію бѣда:
Блаженству швоему какая грусть мѣшаетъ:
Или уже себя престоль не упѣшаетъ?
Хоть былъ несчастливъ ты; но вѣкъ швой нынѣ новъ;
То небо опдало, что опнялъ Годуновъ:
Не могъ тебѣ злодѣй во гробъ дверей опперти;
Судьбиною ты взялъ изъ челюстей злой смерти:
А истинна на пронѣ опцовъ тебя взвела;
Какія-жъ горести судьба тебѣ дала?

Димитрій.

Зла фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ;
Злодѣйская душа спокойна бытъ не можешь.

Парменъ.

Ты много варварства и звѣрства сотворилъ:
Ты мучишь подданныхъ, Россію раззорилъ,
Тирански плаваешь во дѣйсвіяхъ безчинныхъ,
Ссылаешь и казнишь людей ни въ чемъ невинныхъ.

Противъ отечества не уполимъ твоей жаръ;
 Прекрасный сталъ сей градъ пемницею бояръ.
 Отечества сыны всѣ щаспьемъ одинаки,
 И здравіе твое брегущъ одни Поляки.
 Восточной церкви здѣсь законъ совсѣмъ падешъ:
 Подъ иго папское царъ Россій насъ ведешъ.
 И ежели ко злу влечешъ тебя природа;
 Преодолай ее и будь отецъ народа!

Д и м и т р і й.

Въ законѣ Климентъ мя присягой обязалъ,
 А Польскій мнѣ народъ услуги показалъ;
 Такъ милоспи моей Россія не причастна:
 Коль папской свящоспи не хочешъ бытъ подвластна.

П а р м е н ъ.

Мнѣ мнился человекъ себѣ подобнымъ брата:
 И лжеучители разсѣяли развратъ;
 Дабы лжесвящоспи ихъ черни возвѣщались,
 И ко прибышку имъ ихъ басни освѣщались.
 Намъ наши пастыри шого не говорятъ,
 И съ ними развратъ судьбу благодарятъ.
 Сложила Англія, Голландія, шо бремя,
 И полгерманіи: наступитъ скоро время,
 Чшо и Европа вся ошкинешъ прежній спрахъ:
 И съ шрона свержешся прегордый сей монахъ.
 Который шоль себя ошъ смершнихъ оплпчаешъ,
 И чернь котораго какъ Бога величаешъ.

Д и м и т р і й.

Толь дерзосшно Пармень о немъ не говори;
 Сіе свѣшило чшупъ и князи и цари!